

Александр Грин

Ночная прогулка

Александр Степанович Грин

Ночная прогулка

Серия «Наследство Пик-Мика», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=316752

Аннотация

Что дарит нам волшебница-ночь, царство тревожных душ?
Рай, брошенный в грязь разгула, шаги убийц?

© *FantLab.ru*

Александр Степанович Грин Ночная прогулка

– Посмотрим, что написал этот человек! Этот чудак!

– Держу пари, что здесь больше всего приходо-расходных цифр!

– Или черновиков от писем!

– Или альбомных стихотворений!

Такие и им подобные возгласы раздались в моей комнате, когда мы, друзья умершего три дня назад Пик-Мика, собрались за ярко освещенным столом. Все сгорали от нетерпения. В завещании, очень лаконичном и не возбуждившем никаких споров, было сказано ясно: «Записки мои я, нижеподписавшийся, оставляю всем моим добрым приятелям, для совместного прочтения вслух. Если то, что собрано и записано мной на протяжении пятнадцати лет жизни, им придется по вкусу, то каждый из них должен почтить меня бутылкой вина, выпитой за свой счет и в неизменном присутствии моей собаки, пуделя Мика».

Это место из завещания вспомнили все, когда толстая, прошнурованная тетрадь была вытащена мной из бокового кармана. На столе ярко горели старинные канделябры, часы весело болтали маятником и шесть заранее приготовленных

бутылок вина светились темным золотом между кофейным прибором и ароматным паштетом.

Все закурили сигары, располагаясь как кому было удобнее. Читать должен был я. Прошла минута сосредоточенного молчания – время, необходимое для того, чтобы откашляться, провести рукой по волосам и придать лицу строгое выражение, не допускающее перебиваний и шуток.

Я развернул тетрадь и громко прочел заглавие первого происшествия, описанного нашим милым покойником. И в тот же момент легкая как туман, задумчивая фигура Пик-Мика в длинном, наглухо застегнутом сюртуке вышла и села за стол.

* * *

День отвратителен, не стоит говорить о нем; поговорим лучше о ночи. Все, кто встает рано, любуясь восходом солнца, заслуживают снисхождения, не больше; глупцы, они меняют на сомнительное золото дня настоящий черный алмаз ночи. Отсутствие света пугает их; проснувшись в темноте, они зажигают свечу, как будто могут увидеть иное, чем днем. Иное, чем стены, знакомая обстановка, графин с водой и часы. Если им нужно выпить немного валериановых капель, – это еще извинительно. Но бояться, что не увидишь давно знакомое – есть ли смысл в этом?

Всегда пропасть – мглистая, синяя, серебряная и черная

– ночь. Царство тревожных душ! Простор смятению! Невыплаканные слезы о красоте! Нагие сердца, сияющие отвратительным блеском, тусклые взоры убийц, причудливые и прелестные сны, силуэты, намеченные карандашом мрака; рай, брошенный в грязь разгула, огромный кусок земли, спящий от утомления; вы – бесценные россыпи, материал для улыбок, источник чистосердечного веселья, потому что, клянусь хорошо вычищенными ботинками, я смеялся как следует только один раз и – ночью.

Нас было двое. Тот, о котором говорят он, спокойный, одетый изящнее придворного кавалера, хранил молчание. Я развлекал его. Новости, сплетни дня, забавные анекдоты падали с моих губ в его лакированную душу безостановочно. И тем не менее он был недоволен. Он хотел впечатлений ярких, эксцессов, смеха и удовольствия.

Пройдя мост, мы остановились против витрины ювелира. Электричество затопляло разноцветный град брильянтов, застывших, как лед, в бархатных и атласных футлярах. Он долго смотрел на них, мысленно оценивая каждую штуку и внутренне облизываясь. И тихо сказал:

– Конечно, это – продажная человеческая душа. Крупнее – дороже.

Я стал смеяться, уверяя, что ничего подобного. Брильянты ввозятся преимущественно из Африки, их обдeldывают в гранильнях и шлифовальнях, потом скупают. Но он продолжал как духовное лицо, печальным и строгим голосом:

– Да, да, можно провести полную параллель. Боже мой, если бы вы знали, как тонко я чувствую все окружающее меня. Но идем дальше, дальше от этой гробницы слез.

Я чувствовал, что начинаются колики, но благоразумно удержался от смеха. Это печальное человеческое животное тащило меня по тротуару от витрины к витрине, пока не остановилось перед решеткой гастрономического магазина. Консервы и прочая смесь дремали в сумраке. Он тихо пробормотал:

– Немножко усилия, немножко воображения, и это стекло покажет нам чудеса. Эти сельди и шпроты, – вернее, трупы их – не воскрешают ли они океан, свою родину, подводный мир, чудеса сказок? А эти вульгарные телячьи ножи – зелень лугов, фермы с красными крышами, загорелые лица крестьян, картины голландских живописцев, где хочется расцеловать коров, так они живы и энергичны.

Судорога перекосила мое лицо. Дрожа от скованного волей смеха, я выговорил:

– Не то! Не то!

– Да, – подтвердил он с видом человека, понимающего с первого слова мысли собеседника, – вы правы. Не то! Здесь что-то иное, быть может, думы о смерти. Я говорю не о гастрономической смерти, но на меня каждый остаток живого существа производит сложное впечатление.

Асфальт ясно отражал частые звуки шагов; шла девушка, одна из несчастных. Все нахальство, расточаемое на улицах,

светилось в ее глазах, подрисованных тушью. Она была еще довольно свежа, стройна и поэтому имела естественное право заговаривать с незнакомыми.

– Мужчина, угости папироской! – сказала маленькая блудница.

Он внимательно посмотрел на ее лицо и вытащил портсигар.

– Конечно, – заговорил он, делаясь недоступным, – вы хотите не одну только папиросу. Вам хочется, чтобы я взял вас с собой в ресторан, заказал ужин, вино и заплатил вам десять рублей. Но это совершенно немыслимо, и вот почему. Во-первых, я боюсь заразиться, а во-вторых, мне недостаточно этого хочется. Что же касается папиросы – вот она, это финляндская папироса, десять копеек десяток. Видите, я говорю с вами вежливо, ничем не подчеркивая разницы нашего положения. Вы проститутка, живете скверной, уродливой жизнью и умрете в нищете, в больнице, или избитая насмерть, или сгнившая заживо. Я же человек общества, у меня есть умная, благородная, чистая жена и нервная интеллектуальная жизнь; кроме того, я человек обеспеченный. Жизнь без контрастов неинтересна, но все же ужасно, что есть проституция. Итак, вот папироса, дитя мое; смотрите – я сам зажигаю вам спичку. Я поступил хорошо.

Он взволнованно замолчал, боясь растрогаться. Девушка торопливо шла дальше, шаги ее падали в тишину уверенным, жестким звуком.

– Я вас презираю, – вдруг сказал он, выпуская клуб дыма. – Не знаю хорошенько за что, но мне кажется, что в вас есть что-то достойное презрения. В вас, вероятно, нет тех пропастей и глубин, которые есть во мне. Вы ограничены, это подсказывает мне наблюдение. Вы мелки, не далее как вчера вы торговались с извозчиком. Вы – мелкая человеческая дрянь, а я – человек.

– Ха-ха-ха! – разразился я так, что он подскочил на два фута. – Хи-хи-хи-хи-хи! Хе-хе-хе-хе! Хо-хо-хо-хо!

– Хо-хо! – сказал мрак.

Я плакал от смеха. Я бил себя в грудь и призывал бота в свидетели моего веселья. Я говорил себе: сосчитаю до десяти и остановлюсь, но безумный хохот тряс мое тело, как ветер – иву.

Он сдержанно пожал плечами и рассердился.

– Послушайте, это неприлично. Смотрите, прохожие остановились и показывают на вас пальцами. Глаза их делаются круглыми, как орехи. Уйдемте!

– Я люблю вас! – стонал я, ползая на коленях. – Позвольте мне поцеловать ваши ноги! Солнце мое!

Он не слушал. Он презрительно отвергал мою любовь, так же, как отверг бы ненависть. Он был величествен. Он был прекрасен. Он смотрел в глаза мраку, призывая восход, жалкую струю мутного света, убийцу ночи.

Тогда я убил его широким каталанским ножом. Но он воскрес прежде, чем высохла кровь на лезвии, и высокомерно

спросил:

– Чем могу служить?

Изумленный, я стал душить его, стискивая пальцами тугие воротнички, а он тихо и вежливо улыбался. Тогда пришла моя очередь рассердиться.

– Пропадай, черт с тобой! – закричал я. – Брильянты! Телячьи ножки! Хо-хо-хо-хо-хо-хо!

Он повернулся три раза, сделал книксен и вдруг расплылся в широчайшей сладкой улыбке. Она дрожала в воздухе, черная, как лицо негра. Потом просветлела, тронула крыши и купола церковей розоватыми углами губ, опустилась бледным туманом и проглотила город.